

СОДЕРЖАНИЕ

Без подтекста: критика интертекстуального толкования Мандельштама.	6
Язык Мандельштама. Постановка проблемы	46
<i>Структура работы</i>	56
Классификация случаев использования идиом. Предварительные замечания.	58
1. <i>Проявление идиомы/коллокации в высказывании</i>	60
2. <i>Семантизация элементов идиомы/коллокации в высказывании</i>	60
3. <i>Десемантизация идиомы/коллокации в высказывании</i>	61
4. <i>Частичное проявление идиомы/коллокации в высказывании</i>	62
5. <i>Контаминация двух идиом/коллокаций в высказывании</i>	63
6. <i>Контаминация более двух идиом/коллокаций в высказывании. Сложные случаи</i>	64
 <i>Идиоматика у Мандельштама. Классы 1–6</i>	
1. Проявление идиомы/коллокации в высказывании	70
1.1. <i>Нормативное употребление</i>	71
1.2. <i>Сдвиг семантической сочетаемости (метафорический контекст)</i>	77
1.3. <i>Модифицированные идиомы в нормативном и метафорическом контекстах</i>	79
2. Семантизация элементов идиомы/коллокации в высказывании	84
3. Десемантизация идиомы/коллокации в высказывании	112
3.1. <i>Десемантизация полностью проявленной идиомы</i>	113
3.2. <i>Десемантизация модифицированной идиомы</i>	117
3.3. <i>Идиома как лексический мотиватор</i>	121

4. Частичное проявление идиомы/коллокации в высказывании	126
4.1. Перенос элемента идиомы/коллокации	126
4.2. Замена элемента идиомы/коллокации	134
4.2.1. Синонимические и антонимические замены	135
4.2.1.1. Антонимия	136
4.2.1.2. Синонимические замены	138
4.2.1.3. Сложные случаи синонимии.	152
4.2.2. Замены на других основаниях	159
4.2.2.1. Изоритмические и фонетически близкие замены.	159
4.2.2.2. Замены, не основанные на принципе изоритмии и фонетической близости	165
4.2.3. Актуализация идиомы	169
5. Контаминация двух идиом/коллокаций в высказывании	176
5.1. Две идиомы/коллокации проявляются частично и контаминируются	176
5.1.1. Элементы идиом/коллокаций меняются местами	177
5.1.2. Контаминация идиом/коллокаций, представленных частично	178
5.2. Две идиомы/коллокации проявляются полностью или одна идиома/коллокация осложнена элементом другой	185
5.2.1. Соединение двух идиом/коллокаций в полном виде.	185
5.2.2. Коллокация, осложненная элементом другой коллокации	187
5.2.3. Осложнение идиомы элементом идиомы/коллокации	192
6. Контаминация более двух идиом/коллокаций в высказывании. Сложные случаи	201
6.1. Контаминация более двух идиом/коллокаций в высказывании	201
6.2. Идиома/коллокация актуальна для всего текста и выступает как его мотиватор	214
6.3. Межтекстовые идиоматические связи	216
Промежуточные выводы I	218

Идиоматика в стихах Мандельштама: анализ текстов

1. «В огромном омуте прозрачно и темно...» (1910) . . .	225
2. «С розовой пеной усталости у мягких губ...» (1922) . .	230
3. «Довольно кукситься. Бумаги в стол засунем...» (1931)	233
4. «Мастерица виноватых взоров...» (1934)	236
5–6. «Мир должно в черном теле брать», «Римских ночей полновесные слитки...» (1935) . . .	243
7. «Вооруженный зреньем узких ос...» (1937)	246
8. «Стихи о неизвестном солдате» (1937)	251
9. «Пароходик с петухами...» (1937)	278
Промежуточные выводы II	285

Интерпретация полученных результатов

1. Идиоматика в творчестве и авторском сознании Мандельштама. Выводы	289
2. Идиоматический план в поэзии модернизма. Общие замечания	296
3. Проблема рецепции: как идиоматика определяет восприятие стихов Мандельштама? Когнитивная модель	305
Заключение. Информация, сложность и компенсаторные механизмы поэзии	328
Благодарности	333
Об авторах	334
Литература	335
Указатель стихотворений Мандельштама	345

БЕЗ ПОДТЕКСТА

КРИТИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ
МАНДЕЛЬШТАМА

На конференции, посвященной 100-летию О. Мандельштама (Лондон, 1991 год), состоялась дискуссия, в ходе которой участники в полемическом запале обозначили ключевые проблемы мандельштамоведения (они остаются актуальными и сейчас). Приведем длинную цитату, которую можно воспринимать как эпиграф к нашим дальнейшим рассуждениям:

Бродский. Я не думаю, что в этой самой строчке: «В Европе холодно, в Италии темно», — я не думаю, что наш поэт сопрягает Ариоста и Байрона. Это в общем-то и не надо. <...> дико для меня это выговаривать, но двусмысленность надо выговорить. <...> *То есть (с нажимом) не нужно так глубоко копать, потому что это не для того написано! (Смех.)* В конце концов, напомним себе, что стихи написаны, чтобы производить впечатления на умы, сердца и души людей <...>

Кацис. <...> мы же копаем не потому, что берется текст и начинается копание! Имеет место явное непонимание! И, на мой взгляд, все работы, выполненные до настоящего времени, выполнены — ну, в рамках одной, скажем так, парадигмы. <...> Ну хорошо, предположим, мне нужен Байрон — но стихотворение называется «Ариост»! А во второй его части очевиден Тасс... <...>

Шварибанд. <...> Все-таки нам даны стихи как результат какой-то умственной жизни, как нечто целое. Поэтому мне кажется абсолютно справедливым, что та строчка, которая может напомнить что-то у кого-то, допустим, «В Европе холодно, в Италии темно» <...> Мне кажется, — для меня, по крайней мере, — вывод всей

конференции именно в этом — что мы не очень четко представляем, когда мы занимаемся процессом творчества, а когда мы занимаемся результатом творчества, и все наши споры сводятся к противостоянию абсолютно разных объектов исследования, требующих абсолютно разных методик. <...>

Левинтон. При чем тут «процессы творчества»?! <...> Откуда вы знаете, что мы можем хоть слово сказать о том, откуда эти образы — как результат? Кроме единства стихотворения, и особенно у Мандельштама, есть единство мотивов, есть парадигматика мотивов, и она-то гораздо яснее. Это — то, к чему мы приходим, откуда вообще идея контекста! Мы нанизываем тексты на единство слова, которое через них проходит, и надеемся получить какой-то смысл; все остальное — просто болтовня! Все остальное, что мы можем говорить о смысле текстов, — это чистая болтовня! Мы должны... Мы ищем методы, мы к Мандельштаму близко не подошли, мы заняты первичной дешифровкой, мы учим язык! Поэтому разговоры о том, что есть какая-то психология творчества, что-то еще... Мы учимся читать! Надо осознавать свое место в истории науки и в понимании Мандельштама!

Гаспаров. Почти то же самое. Мы не изучаем процесс творчества — до этого наука психология еще не дошла; мы изучаем процесс восприятия, собственного восприятия. Поскольку мы просто читатели, — мы, конечно, не обязаны этим заниматься, но поскольку мы филологи, каждый из нас обязан дать по крайней мере самому себе отчет в том, почему он воспринимает этот текст именно так. Какие элементы текста вызывают у него какие впечатления, как они складываются в целое и так далее. И то, чем мы занимаемся на этих конференциях, — это обмен этим читательским опытом, который в совокупности должен помочь нам овладеть, как это только что сказал Георгий Ахиллович, языком поэта. Мы учим его как иностранный.

Бродский. Но это носит тогда, в конечном счете, характер автобиографический, не правда ли?

Гаспаров. Пока каждый из нас занимается этим наедине с собой — да; а когда мы общаемся друг с другом — это уже становится коллективной биографией.

Бродский (очень довольный ответом). А!... — Замечательно! (Смех.)

[Павлов 2000: 53–54].

Каждый исследователь в общих чертах сформулировал свое представление о том, как нужно изучать поэзию Мандельштама, но, как мы видим, после ироничной реплики Бродского обсуждение завершилось. Все остались при своих позициях, а коллективная рефлексия о методе не удалась, свелась к шутке. Несколько огрубляя, можно заметить, что в этой устной дискуссии целый ряд проблем — соотношения авторской и читательской перспективы, мотивного и языкового ряда, понимания и дешифровки мандельштамовских текстов, а также границы и целесообразность интертекстуального подхода — остались в зоне неразличения. Как будто ученым важнее было отстоять свои представления о том, как читать Мандельштама, а не прийти к консенсусу. Отчасти на это проливает свет еще один доклад.

На той же конференции Ю. И. Левин выступил с провокационным сообщением «Почему я не буду делать доклад о Мандельштаме». Демонстративный жест объяснялся тем, что с началом перестройки мир изменился, и «проблемы поэтики — и противостояния одинокого человека государственному насилию — померкли перед проблемами рынка, демократии, права, массового насилия, национализма и т. п.». Стихи Мандельштама перестали быть «ворованным воздухом», а занятие ими — «запрещенной (или полузапрещенной) сферой». Парадоксально, но свобода вызвала у Левина чувство ностальгии по прежним временам, — по «вдохновенному (или кухонному) мандельштамоведению» [Левин 1998: 154–155].

С тех пор прошло несколько десятилетий, мандельштамоведение стало разветвленной дисциплиной. Нет нужды ритуально напоминать о многочисленных книгах, сборниках, публикациях и статьях, посвященных поэту, — их действительно много. Казалось бы, отдельную область изучения Мандельштама — изучение его поэтики — можно было бы назвать процветающей, если бы не постоянное тревожное ощущение (быть может, гложущее только авторов книги), что во многих работах описывается какой-то другой Мандельштам. Даже не описывается, — конструируется. Этот Мандельштам напоминает еще не созданный квантовый

компьютер. Он наделен уникальной памятью на всю мировую литературу, с помощью которой создает поэтические шифры, темные тексты, не понятные никому, кроме самих мандельштамоведов. Во многих монографических разборах его стихов обнаруживаются второй, третий, а то и четвертый скрытый, «тайный» план, и без их осознания смысл текста читателю не доступен.

Складывается впечатление, что выявление «тайнописи» мандельштамовской лирики дает сообществу возможность почувствовать коллективную идентичность, пережить радость разговора на одном языке, или, чуть более научно: легитимировать собственные практики чтения стихов.

В приведенной выше цитате из выступления Левина сейчас почти недвусмысленно считывается, что «разрешенность» занятий Мандельштамом обернулась утратой воображаемой групповой самоидентификации: раз поэтом может заняться каждый, то принципы, объединяющие сообщество, находятся под угрозой. ореол элитарности, конечно, был оправдан сохранением культуры и практик чтения при советской власти, но это не означало, что мандельштамоведческие штудии в новую эпоху стоит прекратить.

Казалось бы, появилась возможность изучить поэта непредвзято, с должной дистанции. Однако историческое развитие мандельштамоведения в целом (хотя и были яркие исключения, например М. Л. Гаспаров), сложилось так, что научная дисциплина унаследовала сформированный инструментарий и сложившиеся практики чтения. Повторимся, что были исключения.

Важное отступление. Мы бы хотели, чтобы читатель этого текста понимал, что нам важно очертить контуры сегмента научного поля, а не составить таблицу о рангах и ранжировать исследователей, обозначить проблемную зону и привести критические размышления, а не аннигилировать сложившуюся традицию. Поэтому мы стараемся как можно меньше называть имен и как можно больше говорить о принципах и практиках работы с Мандельштамом. Поэтому же мы просим читателя держать в голове, что всегда были исключения.

Среди унаследованных практик толкования стихов поэта выделяются две ключевые: семантическая и интертекстуальная (в исследованиях они иногда переплетаются, но для ясности мы считаем нужным их разделять). Положения первой были проговорены в статье «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма» (1974), написанной Ю.И. Левиным, Д.М. Сегалом, Р.Д. Тименчиком, В.Н. Топоровым и Т.В. Цивьян (не раз упомянутый Левин — это важно подчеркнуть — относился к сторонникам семантического толкования стихов Мандельштама). Основные идеи второй практики были сформулированы в работах К.Ф. Тарановского и О. Ронена [Taranovsky 1976; Тарановский 2000; Ronen 1983; Ронен 2002].

Оба подхода исходили из необходимости каким-то образом объяснять стихи Мандельштама и его принципы работы со словом. Подходы объединяла идея, что Мандельштам — поэт гениальный и сложный, нуждающийся в толкователях. С этим, конечно, сложно не согласиться.

Семантический подход, говоря обобщенно, был нацелен на имманентное объяснение произведений поэта. Анализируя текст, исследователи старались формализовать смысл, исходя из логики и языка стихотворения (см., например, разборы Левина и Сегала). Интертекстуальный подход, говоря также в общем, хотя и учитывал уникальную семантику мандельштамовских стихов, базировался на том, что их необходимо толковать с помощью других, предшествующих текстов или «подтекстов».

Авторам книги близок семантический подход (см.: «Язык Мандельштама. Постановка проблемы», где сделаны необходимые оговорки) и не близок подход интертекстуальный.

Так вышло, что в постсоветском мандельштамоведении интертекстуальные построения стали доминировать, почти вытеснив семантические штудии. В каком-то смысле унаследованная смысловая практика чтения поэта проиграла унаследованной же интертекстуальной парадигме. В результате Мандельштам превратился в великого шифровальщика русской и европейской поэзии, тексты которого переливаются подтекстами, как цветами радуги.

Вот хрестоматийный пример, уже критически обсуждавшийся на другой мандельштамовской конференции (в 1992 году). «Дайте Тютчеву стрекозу», — читаем мы в первой строке стихотворения поэта, но на самом деле должны читать «Дайте Осипу стрекозу», потому что здесь имеется в виду сам Мандельштам. Можно решить, что этот случай анекдотический. Вместе с тем в нем отчетливо виден механизм интертекстуального мышления в том виде, в каком он прижился в научном поле: в тексте нечто сказано, но у сказанного обязательно есть второй, скрытый план; написанное нельзя понимать буквально — нужно выявить тайный шифр; смысл строки (или строфы, или текста) не понятен без обращения к этой тайнописи.

Нельзя сказать, что такого рода примеры — дела давно минувших дней. Так, в относительно недавней работе о поэте нам встретился аналогичный случай. Якобы в стихотворении «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» (1937) строка «Выше голову закинь» сообщает о прокуроре Вышинском, а образ «ястребов», летающих «поверхи», — о лагерной вышке¹.

На самом деле подобных смелых наблюдений в разы больше, и все они основываются на одних и тех же принципах осмысления стихов Мандельштама.

Здесь нас можно упрекнуть в том, что мы нарочно выбрали аляповатые случаи, но саму интертекстуальную теорию они никоим образом не опровергают. Упрек, несомненно, справедливый: неудачная практика совершенно не обязательно дискредитирует теоретические построения. Поэтому, конечно, необходимо обратиться к основополагающим трудам о поэте. Однако прежде чем мы к ним перейдем, повторимся: приведенные примеры — при всей их

¹ Разбор одного из приведенных, а также других (аналогичных) примеров см. в докладе М. И. Шапира 1992 года «Об одной тенденции в современном мандельштамоведении». URL: <http://old.guelman.ru/slava/skandalj/m2.htm>. Не можем не отметить, что его критика докладчика слишком персонализирована и практически не затрагивает саму интертекстуальную теорию в ее «хорошем», «правильном», «филологическом» виде. Возможность такого «чистого» существования теории у нас вызывает определенные сомнения, о чем см. ниже.

несообразности — иллюстрируют вполне распространенные паттерны мышления о стихах Мандельштама.

Разговор об интертекстуальных практиках чтения неизбежно затрагивает специфику филологического знания и исследовательских позиций, поэтому нам периодически придется отвлекаться на небольшие отступления.

Прежде всего, нам необходимо признать, что мы не можем полностью опровергнуть интертекстуальный подход к Мандельштаму. У нас есть некоторые соображения о неубедительных и спорных аспектах теории, однако сказать, что она полностью неверна, мы не готовы. В каком-то смысле она является предметом веры, так же как, например, фрейдизм. Более того, точно так же, как психоанализ иногда убедительно объясняет явления психики, интертекстуальная теория в некоторых случаях действительно работает. Точнее было бы сказать: принято считать, что объясняет (относительно психоанализа), и принято считать, что работает (относительно подтекстов), поскольку и то и другое — результат социокультурных конвенций относительно практик осмысления человека и окружающего мира.

Авторы настоящего текста, во всяком случае, считают, что для определенных произведений Мандельштама интертекстуальные построения справедливы, например для стихотворения «Дайте Тютчеву стрекозу...» (1932), подтекстуальные составляющие которого были ярко разобраны Роненом [Ронен 2002: 32–40]. Правда, эти стихи, в отличие от многих других, действительно являются загадкой, посвященной русской поэзии XIX века, и потому не применить к ним приемы цитатного анализа было бы странно.

Словом, мы не выступаем за радикальную отмену подтекстов, но мы считаем, что их количество сильно преувеличено, а их важность раздута. Большие опасения нам внушают практики чтения, главенствующие в интерпретативном сообществе [Fish 1980: 171–173], в сообществе литературоведов, изучающих творчество Мандельштама. Доминирующий интерпретационный режим интертекстуального толкования затемняет Мандельштама, превращает его в слишком элитарного и непонятого поэта, что, как

нам кажется, противоречит реальным практикам чтения актуального литературного канона. Не секрет, что Мандельштам — любимый поэт многих читателей, и очевидно, что люди не только получают удовольствие от его стихов, но и каким-то образом (совершенно не обязательно интертекстуальным) их осознают и понимают.

О понимании мы заговорили совсем не случайно. Дело в том, что именно с ним связано смысловое наполнение термина «подтекст». Приведем наиболее характерную формулировку, принадлежащую Ронену (1973):

Таким образом, литературный подтекст может не только играть роль источника диахронически возвратных элементов, но и надеяться особой семантической функцией: он служит ключом к метонимически зашифрованному в тексте сообщению. Уже говорилось, что метонимическим по существу является и сам прием цитаты, литературного намека и проч., поскольку читатель по представленным в тексте частным элементам должен определить целое (подтекст), из которого они взяты [Ронен 2002: 31].

Напомним также определение Тарановского из книги «Очерки о поэзии О. Мандельштама» (1976; само определение было ранее обнародовано в статье 1967 года):

Если определить контекст как группу текстов, содержащих один и тот же или похожий образ, подтекст можно формулировать как уже существующий текст, отраженный в последующем, новом тексте. <...> Таким образом, в этом случае подтекст метонимически связывает оба текста, последующий с предыдущим. Таким способом мы читали и «Концерт на вокзале» и, прочтя его вторую строфу, вспомнили не только четвертую строку лермонтовского «Выхожу», но услышали и дальнейший его текст [Тарановский 2000: 31].

Оба определения достаточно аккуратные, и их сближает похожая идея: есть некий текст Мандельштама, в котором слышны отзвуки какого-то предшествующего поэтического произведения, и по некоторым причинам мы должны не только опознать цитату, но и вспомнить цитируемый текст целиком. Это воспоминание обогащает смысл произведения.